

Тайны архива графини А.

Автор:

[Александр Арсаньев](#)

Тайны архива графини А.

Александр Арсаньев

Бабушкин сундук #1

Перед вами оригинальные детективы, в которых криминальные истории, дела, события XIX века искусно переплетаются с современностью, связывая прошлое и настоящее.

Александр Арсаньев

Тайны архива графини А.

До недавних пор я считал, что подобные истории происходят только в кино и в старинных романах. Ну, подумайте сами – старинный сундук, найденный на чердаке, полный загадочных бумаг, писем и документов. Просто «Остров сокровищ» какой-то, не хватает только пиратов и «черной метки». И я бы никогда не поверил, что подобное может произойти в реальной жизни, да еще в самом конце двадцатого века, если бы все это не произошло с «вашим покорным слугой», как принято было выражаться лет сто назад. Но начну по порядку...

Моя жизнь сложилась таким образом, что, дожив почти до пятидесяти лет, я, что называется, оказался у разбитого корыта. Позади было несколько неудачных попыток обзавестись семьей, десяток мест работы в разных городах России и

ближнего зарубежья, периоды успеха и неудач... А год назад я предпринял последнюю решительную попытку вписаться в современную действительность и, надо сказать, потерпел на этой ниве сокрушительное поражение.

И, проснувшись однажды утром в гостинице одного из краевых центров, за которую не платил уже неделю по причине полного отсутствия денег, понял, что пора подводить черту.

Надо было признаться себе, что потерпел полное фиаско, и после нескольких попыток найти иную трактовку своего тогдашнего положения я вынужден был это сделать.

Кто хоть раз в жизни побывал в подобной ситуации, может представить мое настроение в это «прекрасное» утро, и только врожденное отвращение к самоубийству не позволило мне свести тогда счета с жизнью.

Но как сказал один мудрый человек, самая темный период ночи наступает именно перед рассветом, и у большей части самоубийц просто не хватает терпения дожидаться этого момента.

У меня терпения хватило, а может быть, просто не хватило решимости...

Зазвонил телефон и равнодушный женский голос стал для меня гласом судьбы, поскольку сообщил мне о том, что я унаследовал недвижимость в городе моего детства Саратове, в котором не был много лет и не собирался уже побывать никогда.

Проще говоря, дальняя родственница, а по нынешним временам – практически чужой мне человек, завещала мне свой старый деревянный дом, впрочем, довольно крепкий и уютный.

Я тогда плохо представлял, кем она мне приходится, двоюродной сестрой моего дедушки или внучатой племянницей моей прабабушки... одним словом, седьмая вода на киселе, но это не помешало мне на последние деньги взять билет до Саратова и через неделю «вступить в права владения» домом со всем имеющимся в нем скарбом и даже небольшой суммой, которой мне хватило, чтобы расплатиться с гостиницей и продержаться несколько месяцев, пока не нашлось иного источника для существования.

Первые дни я пребывал в состоянии шока, целыми днями валялся на продавленном кожаном диване и смотрел в потолок. И подобное времяпрепровождение не замедлило сказаться на моем настроении, причем самым лучшим образом: мрачные мысли понемногу оставили утомленный мозг, и нормальные чувства сначала робко, но с каждым днем все настойчивее стали реанимироваться в моей душе. Одним из первых оклемалось любопытство, хотя поначалу в довольно примитивной форме: мне стало интересно, кто лежал на этом диване до меня.

Дом еще не успел одичать, каждый предмет еще хранил следы человеческого присутствия, и с легким чувством неудобства я начал лазить по ящикам и полкам, по крупицам обнаруживая нужную мне информацию.

Имя и фамилия покойной благодетельницы к тому времени были мне, конечно, известны. Я даже побывал на могиле и поставил в церкви свечку за упокой ее души. Но, кроме паспортных данных, не располагал пока никакими иными сведениями о покойной.

То, что мы были родственниками, не вызывало у меня сомнений, но ее имя ни разу не упоминалось при жизни моими родителями. Теперь их уже нет на этом свете, а кроме них – родственников у меня в Саратове практически не осталось.

Поэтому каждый предмет в доме становился для меня молчаливым свидетелем долгой и нелегкой жизни единокровного мне существа, о существовании которого я до сих пор и не подозревал.

В ее альбоме я с удивлением обнаружил собственные фотографии с трогательными дарственными надписями на обороте, написанными маминой рукой. Значит, в то время мои родители еще поддерживали с Тамарой Александровной (так звали мою родственницу) довольно близкие отношения. Но потом, вероятно, какая-то черная кошка пробежала между ними, и отношения были порваны.

Но, тем не менее, «тетя Тамара» до самой смерти хранила фото нашей семьи в отдельном пакетишке из черной бумаги и завещала все свое имущество тому самому мальчику в матросском костюмчике, которым я был больше сорока лет тому назад, и которого она, судя по всему, любила.

Отношения в нашей некогда большой семье были всегда непростыми, мама перед смертью мне что-то об этом рассказывала, но в тот момент я настолько был занят собой, своей любимой работой и очередной невестой, что слушал не очень внимательно и почти ничего не запомнил.

И эта тайна, скорее всего, так и останется для меня тайной навсегда.

Аппетит приходит во время еды. И чем больше я узнавал о своей дальней родственнице, тем больше меня интересовала эта загадочная женщина. Путем дедуктивных умозаключений я выяснил степень нашего с нею родства – она оказалась моей двоюродной бабушкой, то есть была сестрой папиной мамы.

Самым тщательным образом изучив содержание альбомов, писем и хранившихся в особой шкатулке драгоценных для тети Тамары вещей, я пришел к выводу, что мы с ней были очень похожи. Стремление систематизировать и разложить по полочкам всю свою жизнь было моим врожденным свойством и явилось одной из причин моего одиночества. Мои жены никак не желали занимать в жизни то место, что я им предназначал, и покидали меня через два-три «медовых» года.

Любопытство мое не было удовлетворено и наполовину, а в доме не оставалось ни одного предмета, которого бы я не изучил, и ни одной бумажки, которой бы я не прочел от корки до корки.

Во дворе дома был сарай, но он не оправдал моих надежд. Кроме видавшего виды серебряного самовара я не обнаружил там ничего заслуживающего внимания.

Последняя надежда оставалась на чердак.

Отыскав в сарае старую, с поломанными перекладинами лестницу, я привел ее в божееский вид и благодаря этому без особого риска для жизни смог проникнуть в желанное место.

Чердаки и подвалы с детства вызывали у меня пристальный интерес, и рыться в завалах старых вещей – для меня до сих пор истинное наслаждение.

В моем пионерском детстве это компенсировало мне недостаток таинственных приключений, к которым так стремится в этом возрасте душа каждого нормального мальчишки. И мне не раз доставалось от родителей за порванную и перепачканную одежду. Им моя страсть была непонятна, или они делали вид, что забыли свое собственное детство.

Когда мне удалось открыть разохшуюся и перекошенную дверцу чердака, я вновь испытал то замечательное детское чувство, которое мои родителями называли «зудом приключений». Поскольку до меня сюда не ступала нога человека как минимум лет тридцать.

На всех сваленных в кучу предметах по углам довольно вместительного чердака лежал сантиметровой слой пыли. А веревки вдоль всего помещения, на которых когда-то, видимо, развешивали белье, рассыпались от малейшего прикосновения в труху.

Растягивая удовольствие, я спустился вниз и вернулся на чердак с веником, ведром воды и мокрой тряпкой, собираясь провести здесь весь день и радуясь, что теперь никто не сможет мне помешать – ни родители, ни жены.

В одиночестве есть определенная прелесть. Только наедине с собой человек может понять, что он собою представляет, каковы его истинные наклонности и желания. У меня был приятель, который крепко закладывал за воротник и по этой самой причине расстался со своей дражайшей супругой. Но тут же бросил это занятие, когда остался один.

– Ты понимаешь, оказалось, что мои пьянки были своеобразным «праздником непослушания», – объяснял он внезапную перемену образа жизни. – Я таким образом отстаивал свое право на собственный стиль поведения, это было способом защиты... А теперь мне не от кого защищаться.

Впрочем, я отвлекся.

Мой дом был очень старым. На одной из его стен я обнаружил еле заметную деревянную табличку, выпиленную в форме герба, на которой были вырезаны цифры – 1867. Стало быть, дом был построен почти сто пятьдесят лет назад.

И все эти годы проживавшие в нем люди закидывали на чердак вещи, применения которым уже не могли найти, а выкидывать не решались.

Хозяев у дома за полтора века было несколько. Дом продавали и передавали по наследству. И чердак, как старый скряга, хранил все эти древние предметы, укутывая их от нескромного взгляда толстым слоем пыли.

Может быть, археология потеряла в моем лице достойного представителя, но та история, которую нам преподавали в школе, была настолько скучной и бездарной, что у меня даже не возникало подобной мысли в том возрасте, когда принято выбирать свою будущую профессию.

Но теперь, смахивая пыль с предметов, я напоминал себе археолога, и мое сердце громко билось в предчувствии уникальной находки.

И предчувствие меня не обмануло.

На чердаке было много любопытных вещей: давно вышедшей из употребления домашней утвари, старой мебели и прочего, но я не стану утомлять вас подробным их описанием, а сразу же перейду к самой главной для меня находке, которая изменила мою жизнь и заставила взяться за перо.

В дальнем углу чердака под грудой поломанных стульев и вылинявших абажуров стоял тяжелый даже на вид старинный кованый сундук. Я сразу же обратил на него внимание, поскольку он явно был старше всех остальных чердачных вещей по крайней мере на полвека, и оставил его «на сладкое», то есть приступил к изучению его содержимого в последнюю очередь.

И эта последняя находка заставила меня позабыть про все остальные, благодаря чему они до сих пор лежат на чердаке, сваленные у выхода, и неизвестно, когда я удосужусь перетащить всю эту кучу в дом, как собирался вначале.

В сундуке были бумаги. Старые, пожелтевшие, но почти не пострадавшие от времени. Я поначалу принял их за документы тети Тамары, но прочитав дату на первом же из писем, моментально понял свою ошибку, потому что она относилась к середине девятнадцатого века, то есть на добрые семьдесят лет раньше, чем появилась на свет моя двоюродная бабушка.

К тому времени на чердаке было уже темновато, а когда мне удалось с помощью веревок, рискуя сломать шею, спустить свои сокровища на землю, солнце уже почти спряталось за горизонт.

Я взмок от непривычно тяжелой физической работы, кожа чесалась от вековой пыли, но мне было не до этого, и едва сполоснув лицо и руки теплой водой, с головой зарылся в найденные мною бумаги.

Наверное, нужно объяснить, что же до такой степени заинтересовало меня, что, забыв про сон, я просидел подобно скупому рыцарю перед сундуком почти до утра.

Во-первых, меня действительно привлекает история, но, скорее всего, я вел бы себя значительно спокойнее, если бы не фамилия автора писем и дневников. Это была моя фамилия, фамилия моего отца, то есть фамилия моего рода. И значит, все эти бумаги принадлежали какой-то моей родственнице, родившейся еще при Пушкине.

Признаюсь, что, как и большинство моих сверстников, до той поры практически ничего не знал о своих предках дальше бабушки с дедушкой, да и то лишь по материнской линии.

А теперь у меня появилась возможность проследить свои корни аж до XVIII века, а это по нынешним временам – невероятная удача.

А когда я понял, чем занималась сто пятьдесят лет назад моя родственница – я не поверил своим глазам.

Не буду вас дальше интриговать и сообщу сразу – ОНА БЫЛА СЫЩИКОМ.

Не торопитесь скептически улыбаться и упрекать автора этих строк в исторической некомпетентности – мне прекрасно известно, что в те благословенные времена сыщиков-женщин в России не было. Профессиональных – не было. Согласен. Но моя пра-пра-пратетушка занималась этим «из любви к искусству». И как вы сможете узнать, если дочитаете эту повесть до конца, – не без успеха.

Более того, она самым подробным образом описывала каждое свое расследование, а в конце жизни, то есть за несколько лет до революции, решила стать писательницей в только зарождавшемся тогда в России жанре криминального романа, или как теперь принято говорить – детектива.

Но она не смогла реализовать своих планов, потому что ушла из жизни, так и не решившись положить ни одну из своих рукописей на стол редактора.

Целый месяц ушел у меня на то, чтобы разобраться с ее бумагами, в результате чего мой дом превратился в дом-музей моей далекой по времени, но ставшей мне теперь бесконечно дорогой и близкой родственницы, причем музей литературный. По всему дому у меня лежали романы и повести, дневники и письма, и в один прекрасный момент я понял, что не имею никакого права владеть этим богатством единолично и не поделиться им с людьми.

И я решился на невероятный для себя поступок – закончить то, что не удалось в свое время... пора назвать ее имя.

Ее звали Катенькой Арсаньевой. И она родилась в 1830 году...

Вот и все, что мне хотелось сообщить читателю перед тем, как он окунется в события середины прошлого века. Я постарался закончить неоконченные повести, отредактировав и дополнив их с помощью писем и дневников, и в таком виде решился вынести на суд читателя.

Автор и главное действующее лицо этих произведений владела несколькими иностранными языками, и страницы, к моему ужасу, пестрели французскими, английскими и немецкими афоризмами, а порой она просто переходила на один из этих языков. Щадя читателя, я постарался перевести все это на русский, хотя и понимал, что после подобной «операции» из повествования исчез бесподобный аромат прошлого века. Так что не обессудьте.

Все остальное о моей родственнице и о ее жизни вы найдете на этих страницах. Единственное, что мне хотелось бы добавить... Наверное, я должен это сделать, поскольку считаю себя честным человеком, и не хотел бы никого вводить в заблуждение.

Я не всегда уверен, что из событий, описанных моей родственницей, случилось с нею на самом деле, а что она добавила к ним в качестве литературного украшения. Время от времени я буду возникать по мере повествования на страницах этой и последующих книг. Я оставил за собой это право, и прошу меня за это не винить.

Поэтому не прощаюсь.

Александр Арсаньев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ранней весной 1857 года мне исполнилось 27 лет.

Я казалась тогда себе совершенно взрослой, умудренной опытом женщиной, может быть, еще и потому, что прошлой осенью похоронила своего мужа – старшего следователя губернской уголовной полиции, человека во всех отношениях замечательного и горячо мною любимого.

Мы прожили с ним немногим больше четырех лет, и эти годы я вспоминаю как самые счастливые в своей долгой жизни. Может быть, именно поэтому я так и не решилась вступить в брак вторично, хотя мне неоднократно предлагали руку и сердце весьма достойные и безусловно заслуживающие того господя.

Таким образом в свои неполные двадцать шесть лет я оказалась совершенно самостоятельной и достаточно обеспеченной молодой вдовой, тем более что и мои родители к тому времени уже восемь лет как лежали в могиле. Очередная эпидемия холеры 1848 года не пощадила их жизни, сделав меня сиротой в неполные восемнадцать лет.

Холера в те годы была частым гостем в Саратове, и стихи безвременно ушедшего незадолго до описываемых здесь событий из жизни Михаила Лермонтова, с которым моя семья находилась в довольно близком родстве, я помнила наизусть с детских лет:

«Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно».

Отец рассказывал мне, что эти строки, будучи еще совсем молоденьким, Лермонтов написал после очередного приезда в Саратов в 1830 году.

Мне в то время было несколько месяцев, но по семейному преданию шестнадцатилетний Мишель носил меня на руках и называл своей будущей невестой. Не думаю, что это было на самом деле, но иногда и теперь рассказываю об этом своим знакомым, чтобы показать, какая я старая.

Мой отец был человеком просвещенным, закончил Дерптский университет и, как только в Саратове открылась первая женская школа, не замедлил отдать меня в это замечательное заведение при Крестовоздвиженском монастыре, для чего и переехал со всей семьей в губернский центр, хотя до этого мы жили в Саратове только зимой, а большую часть года с ранней весны до поздней осени проводили в своем поместье в Хвалынском уезде.

Таким образом я стала одной из первых в Саратове «школярок», хотя многочисленные наши родственники и не одобряли подобной эмансипации.

Учение давалось мне легко, у моего отца была богатая по тем временам библиотека, и я считалась развитой не по годам.

Кто знает, родись я на пару десятков лет позже, может быть, и пошла бы в науку и стала второй Софьей Ковалевской, но в те годы ничего подобного нельзя было себе и представить. Времена женского просвещения были еще впереди.

Но мое образование позволило мне после смерти родителей не попасть в зависимость от опекунов и родственников, разобраться в финансовых тонкостях ведения хозяйства и вполне успешно контролировать деятельность приказчиков в поместье.

Александр Христофорович, мой покойный муж, очень гордился своей «просвещенной женкой» и даже советовался со мной по служебным вопросам. Благодаря этому к моменту его безвременной кончины я неплохо разбиралась в юриспруденции и сыском деле.

Его многочисленные товарищи по службе – частые гости в нашем доме – еще долгие годы оставались моими хорошими знакомыми и при необходимости оказывали мне по старой памяти некоторые услуги. Но об этом чуть позже...

Итак, история, которую я собираюсь вам поведать, произошла ранней весной 1857 года. Я еще носила траур и не могла смириться со смертью любимого мужа, хотя время уже поработало над моими душевными ранами, и я понемногу стала выходить из дома и даже принимать у себя гостей, большей частью – своих замужних подруг и родственниц.

Визиты эти носили преимущественно траурный характер и не столько развлекали меня, сколько бередили еще не зажившие душевные раны, и мне захотелось сменить обстановку и на некоторое время уехать из Саратова. Хотя бы к себе в поместье. Тем более что некоторые хозяйственные вопросы требовали моего там присутствия.

Состояние мое, и без того достаточное, благодаря наследству мужа еще более увеличилось, и неожиданно для себя я оказалась одной из самых состоятельных женщин во всей губернии. И многие досужие господа уже задумывались, каким образом побыстрее прибрать к рукам столь лакомый кусочек. И это послужило еще одной причиной моего отъезда. Любая мысль о мужчинах казалась мне в это время кощунственной, да и большинство потенциальных претендентов на мою руку и кошелек не выдерживали никакого сравнения с покойным Александром.

Шурочка, моя старинная подруга со школьных лет, всячески рекомендовала мне съездить за границу, и я бы, наверное, так и поступила, если бы мы с Александром не собирались совершить этот вояж вместе. Зимними вечерами с атласом в руках мы засиживались с ним до ночи, разрабатывая в деталях предстоящий маршрут. Александр бывал в Европе в студенческие годы и собирался показать мне все то, что произвело на него в юности неизгладимое впечатление и сделало его «неисправимым западником», как считала вся моя родня.

Он действительно восхищался просвещенной Европой, и у нас в доме царил европейский дух. И не только в оформлении гостиной и в обращении с прислугой. Мы выписывали из-за границы все литературные новинки, и благодаря прекрасному знанию языков познакомились со многими английскими и французскими романами задолго до того, как они были переведены на русский язык и получили широкую известность.

И теперь путешествие без него казалось мне своеобразной изменой его памяти.

– Как это глупо, – закатывала Шурочка глаза, призывая Силы Небесные себе в свидетели. – Ну что за предрассудки. Ты же прекрасно понимаешь, что Александр был бы на моей стороне. Ты молода, красива, умна... В конце концов, это необходимо для твоего здоровья.

Она почему-то вбила себе в голову, что у меня слабая грудь и непрестанно мне об этом напоминала.

– Ну что ты забыла в своей деревне? – возмущалась она. – Ты что, заживо собралась себя похоронить?

Когда она волновалась, она переходила на французский, в эти минуты ей явно не хватало слов в родном языке.

Но я твердо решила не покидать России еще пару лет, и не собиралась изменять своего решения, несмотря на все ее уговоры. Тем более что в прошлом году из-за неурожая и саранчи понесла большие убытки, а путешествие в Европу потребовало бы немалых затрат.

Я знала, чем успокоить свою лучшую подругу, и послала горничную в булочную за пирожными.

Кофе с пирожными примирил Сашеньку с моим решением, а новый роман г. Тургенева «Рудин», который я дала ей почитать, окончательно привел в чудесное расположение духа. Сашенька была в восторге от его «Записок охотника» и, по-моему, была влюблена в самого автора.

Кроме всего прочего у меня была еще одна причина отправиться в деревню, в которой я не признавалась самой себе и не могла поделиться даже с лучшей подругой. Но эта причина была, пожалуй, не менее важной, чем все вышеназванные.

Чтобы вам было понятно, о чем я говорю, необходимо упомянуть о некоторых обстоятельствах гибели моего мужа.

Официальная версия гласила, что он скончался в результате внезапной горячки на одном из захолустных постоялых дворов, но я никак не могла смириться с такой нелепой смертью и отказывалась верить очевидному.

Александр отличался несокрушимым здоровьем и за два дня до смерти, прощаясь со мной, выглядел просто прекрасно. Он был на двенадцать лет старше меня, но у него не было ни одного седого волоса, а в руках была такая сила, что ему ничего не стоило разогнуть подкову. За все время нашей совместной жизни я не могла припомнить у него ни малейшего недомогания и даже не могла представить его больным.

Однажды он на спор выкупался в ледяной купели без каких бы то ни было последствий для организма.

Постоялый двор, ставший его последним пристанищем, находился неподалеку от моей деревни, и мне хотелось побывать там еще в прошлом году. Меня не оставляла мысль, что там я смогу узнать что-то такое, на что не обратили внимания ни полицмейстер, ни Карл Иванович, наш добрый, но рассеянный доктор. И что прольет свет на истинную причину смерти Александра.

Но сразу после похорон этого сделать не удалось, а потом наступила зима, и добраться до дальней волости стало нелегко.

Я уже тогда решила, что осуществлю свой замысел при первой возможности, лишь только растает снег. Но паводок в этом году был такой высокий, что добраться по нашему бездорожью куда бы то ни было не было никакой возможности. И вот, наконец, дороги подсохли, и теперь ничто не мешало мне отправиться в путь.

Отъезд я наметила на последнюю неделю Великого Поста, а начала готовиться к нему едва ли не за месяц до этого.

В тот день, когда мы беседовали с Шурочкой, у меня уже все было готово к отъезду...

До сих пор не могу привыкнуть, что теперь, на старости лет живу, в двадцатом веке. И это не удивительно. Семьдесят лет и девять месяцев я привыкла считать себя жителем века девятнадцатого и это навсегда останется для меня непреодолимым барьером. Наверное, я и умру с этим ощущением, поскольку все самые главные события в моей жизни остались в моем прекрасном и чудовищном, милом и отвратительном девятнадцатом столетии. А век двадцатый мне так же чужд, как и я ему.

Но те события, которые я сейчас вспоминаю, происходили в те далекие времена, когда девятнадцатое столетие едва перевалило за середину, и в те времена я, как и большинство моих современников, и не предполагала, что доживу до нового века, да еще буду в состоянии что-то вспоминать и описывать.

Если мне не изменяет память, я в те годы с трудом представляла себя пятидесятилетней, что же говорить о семидесяти с хвостиком. Для меня тогда женщина за тридцать была уже едва ли не пожилой, а в моем теперешнем возрасте...

Впрочем, я отвлеклась.

Утро, на которое был назначен мой отъезд в деревню, выдалось на удивление теплым и солнечным. Впервые за этот год я почувствовала некоторый дискомфорт от своего траурного одеяния. Почти девять месяцев я не позволяла себе никакого другого платья, а в это утро поймала себя на желании вместе с пробуждающейся после зимы природой скинуть с себя этот мрачный наряд и преобразиться душой и телом.

Устыдившись собственных мыслей, я стала проверять, правильно ли прислуга уложила сундуки и коробки, и сделала выговор горничной по той единственной причине, что она стояла с глупым видом посреди улицы с прилипшей к нижней губе шелухой подсолнечника.

– Звиняйте, барыня, – смутилась недавно взятая мной из деревни Алена и утерлась подолом с таким виноватым видом, что мне стало жаль ее. Тем более что все вещи оказались на своем месте, и придраться было совершенно не к чему.

Несмотря на некоторую внешнюю неотесанность, Алена была девкой неглупой, и в руках у нее все горело в хорошем смысле этого слова. И я спокойно оставляла на нее дом, зная, что без меня она будет поддерживать в нем порядок и не позволит себе ничего лишнего. Такова была и ее покойная матушка, с юности состоявшая при кухне в нашем деревенском доме, работающая и приветливая, но на вид – дура дурой, прости Господи.

Путь мне предстоял неблизкий, двести с лишним верст по тогдашним дорогам могли вымотать душу из любого, и век двадцатый, по моим наблюдениям, мало что изменил в этом отношении.

Думаю, что дороги и дураки еще долго будут оставаться проблемой для нашей благословенной державы.

Не могу не отметить удивительной проницательности своей старинной родственницы. В этом отношении, как и во многих других, она оказалась абсолютно права. И это свидетельствует о том, что она была женщиной неординарной, в чем вы еще не раз сможете убедиться в дальнейшем.

Но, несмотря ни на что, настроение у меня было приподнятым, как обычно, когда мне предстояло отправиться в путешествие.

К тому же я могла себе позволить роскошь иметь добротный экипаж английской работы, а мой кучер Степан был удивительно аккуратным. Благодаря этому его качеству большая часть колдобин на дороге не доставляла мне никакого беспокойства.

И это при том, что вида он был совершенно разбойничьего – косая сажень в плечах и густая рыжая борода. И это тоже было мне на руку, так как лихих людишек в окрестностях Саратова было тогда в избытке. Беглые крепостные, каторжники и прочий сброд с сомнением чесали бороды, едва приметив его на облучке, а когда он щелкал собственноручно сплетенным им длинным кнутом, всякие сомнения по его поводу пропадали у них окончательно, и они торопились

укрыться в тени деревьев.

Кроме того, у меня в карете была пара заряженных кавказских пистолетов с вороненым стволом и рукояткой слоновой кости. Мы с покойным мужем частенько посещали тир, и я не уступала ему в точности стрельбы по мишеням. Поэтому, в отличие от большинства женщин того времени, я не брала с собой в дорогу специальных людей для охраны.

Кому-то это покажется смешным, но Александр обучил меня и некоторым приемам английского бокса и французской борьбы, на что моя родня тут же распустила слух, что он собирается сделать из меня вторую «кавалерист-девицу», тем более что мои тетушки неоднократно видели меня в мужском седле.

Я никогда не признавала женского седла и прекрасно чувствовала себя на псовой охоте в жокейском платье с убранными под шапочку волосами.

Вместо стека я использовала казацкую плетку, и одно это уже заставляло их морщить свои старушечьи носики.

Они никак не могли взять в толк, почему такие исконно женские развлечения, как вышивание и домоводство, не могут удовлетворить мою грешную душу, и надеялись, что рождение ребенка образумит меня.

Но Бог не дал нам детей, и Александру так и не удалось испытать счастья отцовства, хотя до самой его смерти мы не теряли надежды, что в конце концов у нас будет хотя бы один ребенок, непременно мальчик, которого мы воспитаем настоящим мужчиной и джентльменом.

Нет, я никогда не была синим чулком, и даже недоброжелатель не мог бы назвать меня мужиковатой. Боже сохрани. Не меньше стрельбы и верховой езды меня привлекали музицирование и рукоделие, я неплохо танцевала и умела обращаться с карандашом.

Кстати, о карандаше. Может быть, я не объективен, но слова «умела обращаться с карандашом» кажутся мне слишком скромным обозначением того дара, которым явно обладала автор и главное действующее лицо нашего повествования. Не знаю, входило ли в ее планы иллюстрировать свои романы, но

я по мере возможности, если вы успели заметить, попытался сохранить и эту часть творческого наследия своей родственницы в качестве иллюстративного материала к ее прозе. Тем более что иногда ее зарисовки имеют самое непосредственное отношение к тому или иному расследованию, и – если хотите – составляют часть ее «метода».

Поэтому если кого-то и шокировали мои неженские увлечения, то лишь потому, что в то время «эмансипация» еще не была переведена на русский язык и означала исключительно европейское явление. Во всяком случае в Саратове, провинциальном и маленьком в те далекие годы.

Я надеялась, что к вечеру следующего дня мое путешествие закончится, если не произойдет ничего непредвиденного. Хотя в мои планы входило посетить кое-кого из родственников и знакомых еще по пути в деревню, поэтому конечного пункта я могла достичь и через неделю. Все зависело от гостеприимства моих соседей и волеизъявления той загадочной особы, которую мы традиционно именуем судьбой.

Перекрестившись, я уселась в карету и велела Степану трогать.

Через какие-нибудь полчаса убогие домишки саратовских окраин остались позади, и, оглянувшись, я в последний раз посмотрела на голубые купола церквей.

Сразу же за городом на невысоких холмах начинались ветряные мельницы, принадлежавшие богатым саратовским купцам и украшавшие и без того чудесный пейзаж. Синяя спокойная гладь великой русской реки, живописный издали Саратов – все настраивало меня на возвышенный лад, а мельницы, как обычно, вызвали в памяти Дон Кихота Ламанчского и его верного оруженосца Санчо Пансу. Мне вспомнились наши с мужем верховые прогулки по этим местам, и слезы невольно навернулись мне на глаза.

Мы проезжали мимо живописного мужского монастыря и мерный звон утреннего колокола на его колокольне вторил моей печали.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я достала свою записную книжку и открыла в ней тот листок, где набросала для памяти предполагаемый маршрут своего путешествия.

Первым пунктом в списке была усадьба близкого друга мужа и моего хорошего знакомого Павла Семеновича Сеницына, человека незаурядного и даже оригинального, некогда служившего в Петербурге, а теперь вышедшего в отставку и проживающего у себя в поместье в совершенном одиночестве. За всю его богатую событиями жизнь у него так и не хватило решимости обзавестись семьей.

«Милый Павел Семенович, – думала я, представляя его радость по поводу моего приезда. – Более деликатного человека я не могу себе представить».

Мы не виделись с ним со дня похорон. Он ни разу не осмелился навестить меня, боясь нарушить вдовий покой, а может быть, тревожась за мою репутацию.

Он жил в нескольких верстах от Саратова в маленьком домике прошлого века со своим старым дядькой в окружении нескольких сотен книг и десятка трубок. Мне до сих пор не доводилось бывать там самой, но я хорошо представляла себе эту идиллическую картину по рассказам Александра. Он не мог говорить о своем друге без добродушной улыбки, свидетельствующей о настоящей привязанности к этому милому и мудрому человеку.

Имея государственный ум, он не сумел найти ему достойного применения в столице, и теперь предавался, по его словам, «вольному свободомыслию».

По моему мнению в его идеях не было ничего крамольного, но муж рассказывал, что отставка Павла Семеновича была едва ли не вынужденной, именно благодаря каким-то его «несвоевременным» идеям, не пришедшимся по душе высокому начальству. Не желая поступаться принципами, он предпочел гордо удалиться в добровольную ссылку, чем существовать «применительно к подлости».

Но меня теперь интересовали не государственные идеи старого товарища моего мужа, а его удивительная проницательность и способность непредвзято относиться к явлениям окружающей действительности. За время нашего знакомства он не раз поражал меня неожиданностью и глубиной своих выводов из самых, казалось бы, незначительных событий. Он был одним из самых близких Александру людей, тем единственным человеком, с которым мне хотелось поделиться своими сомнениями.

И еще одно обстоятельство укрепило меня в желании нанести этот визит: Павел Семенович частенько приезжал к нам в Саратов, и каждый раз к концу вечера они с Александром удалялись в мужнин кабинет, выкурить по трубке и посекретничать. Эти разговоры носили обычно довольно бурный характер и заканчивались далеко за полночь.

Мне не то, чтобы не разрешалось присутствовать при них, но в их компании я иногда чувствовала себя третьей лишней.

Хотя мы и придерживались европейских взглядов на отношения в семье, но я всегда понимала, что у мужчин могут быть темы, не предназначенные для дамских ушей, даже таких просвещенных, как мои.

Я видела, что вдвоем они чувствуют себя намного свободнее, и не возражала против этих аудиенций. Кроме того, я не выношу табачного дыма, а Павел Семенович имел дурную привычку не вынимать трубки изо рта, а во время споров и вовсе напоминал огнедышащий Везувий.

Последний их ночной разговор состоялся за неделю до роковой поездки Александра и, насколько я помню, был особенно горячим. Они весь вечер о чем-то спорили, и, не дождавшись окончания этого спора, я отправилась спать, перед уходом шутливо попросив их не переходить к рукопашной.

Теперь даже самые незначительные детали последних дней моей семейной жизни приобрели для меня особое значение, и я ругала себя за то, что предпочла в тот вечер отправиться в спальню, а не присутствовать при этом разговоре.

Временами мне теперь казалось, что я пропустила что-то важное в жизни своего мужа, какие-то мысли или события, которые могли бы пролить свет на его неожиданную гибель.

В последнее время я задавала себе массу вопросов. Например, были ли у моего мужа враги. И не находила на них ответов. А ведь еще недавно мне казалось, что я знаю о нем абсолютно все.

Потребовалось почти полгода, чтобы я поняла, что о чем-то он мог не говорить мне, боясь испугать. То есть из самых лучших побуждений, заботясь о моем

душевном покое. Но он наверняка делился своими тревогами с близким другом и мне не терпелось увидеть Павла Семеновича и вызвать его на откровенный разговор.

Мой возница знал о моем желании посетить его деревню и напрямик вез меня туда. Он исколесил с мужем всю губернию вдоль и поперек и ориентировался в ее дорогах не хуже, чем хорошая кухарка в своих кастрюлях. Поэтому я могла не волноваться и спокойно предаваться своим размышлениям.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревенька, в которую мы въехали через несколько часов пути, поразила меня своей невзрачностью и нищетой.

Я поймала себя на мысли, что никогда не задумывалась о средствах, на которые живет друг моего мужа, и только теперь поняла, что он был по сравнению с нами бедняком.

Синицыно напомнило мне отдельные страницы «Путешествия из Петербурга в Москву», рукописный список которого был у нас дома, и которое до сих пор казалось мне художественным преувеличением бедственного положения крестьян в России.

Домишки, покрытые черной гнилой соломой, сиротливо жались друг к другу, хозяйственных пристроек у них почти не было, и даже деревья росли здесь кое-как, вызывая в душе тревожные предчувствия.

Я не сразу отыскала «барскую усадьбу», потому что она почти не отличалась от крестьянских избышек, разве что стояла несколько в стороне у превращенного в грязный пруд оврага и была покрыта тесом. Но Степан уверенно остановил лошадей, и я не сразу поверила своим ушам, когда услышала его бас:

– Приехали, барыня...

Я не увидела вокруг ни одной живой души, не услышала традиционного лая собак, и это еще более усиливало ощущение заброшенности деревеньки и никак не вязалось у меня с образом ее добродушного и неунывающего хозяина.

- Ты ничего не перепутал, - на всякий случай переспросила я Степана, - здесь и проживает Павел Семенович?

- Точно так-с, - ответил мне немногословный Степан, высморкался и уверенно направился к сенному сараю, считая разговор законченным.

Мне ничего не оставалось делать, как отправиться в дом. «Видимо, Павла Семеновича нет дома, - подумала я, пытаюсь оправдать его отсутствие на пороге. - Он просто не мог не слышать звона бубенцов, не думаю, что гости бывают здесь каждый день. Как жаль...»

Совершенно растерявшись, я взошла на покосившееся крыльцо и толкнула дверь. Она со скрипом отворилась, и за ней я увидела узкий коридор со старой домотканой дорожкой на полу. В доме царил полумрак, лишь в конце коридора был виден слабый свет, вероятно, проникающий в него из гостиной.

Я оглянулась на Степана, он как ни в чем ни бывало занимался своим делом и не смотрел в мою сторону.

Мне стало не по себе. Это было похоже на детский полузабытый сон, в котором я оказывалась чуть ли ни одна на белом свете, бродила по пустым улицам и переулкам в тщетных попытках отыскать хоть одну живую душу. Он снился мне несколько раз, заставляя просыпаться среди ночи в холодном поту и благодарить Господа, что этого не произошло на самом деле, а было всего лишь ночным видением.

Я заставила себя проделать эти несколько шагов по коридору и невольно вздрогнула, когда с душераздирающим воплем, хвост трубой, у меня под ногами прошмыгнул громадный рыжий котище. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что это, по всей вероятности, был тот самый известный мне по рассказам мужа кот Боцман, любимец хозяина, ленивое и прожорливое существо.

В звенящей тишине пустого дома я слышала удары собственного сердца, и у меня закружилась голова.

«Только в обморок осталось упасть», – разозлилась я на себя и, преодолев робость, решительно вошла в гостиную.

Это было поистине душераздирающее зрелище.

Мне многое пришлось повидать в своей жизни с тех пор, но эту картина так и стоит у меня перед глазами.

В луже крови, с неестественно вывернутой рукой и с выражением нелепого для покойника изумления на лице, на полу лежал покойный Павел Семенович, а чуть в стороне, поджав под себя ноги, скорчился старенький мужичок в линялой поддевке. Он тоже был мертв. Но более всего меня поразили кровавые следы кошачьих лап вокруг трупов, и страшное подозрение тут же пришло мне в голову.

Я отогнала его, чтобы на самом деле не потерять сознание, и хотела закричать Степана, но голос отказался мне повиноваться.

Может быть, я не прав, но, по-моему, вся сцена с котом – точная реминисценция «Черного кота» Эдгара По. Судя по всему, Катенька Арсаньева была хорошо знакома с его творчеством, и следы этого знакомства я часто нахожу в ее письмах и дневниках. Во всяком случае, «страшное подозрение» возникло у нее явно под влиянием этой действительно страшной новеллы американского классика. Хотя вполне допускаю, что несчастное животное не меньше моей родственницы было испугано произошедшими в доме событиями. И поэтому вполне могло шарахаться от любого незнакомого ему человека.

Нужно было срочно что-то предпринимать, и я попыталась представить, что бы сделал теперь на моем месте покойный Александр. Я часто прибегала к этому способу в трудные минуты, как бы советуясь с ним и с благодарностью принимая его помощь.

Только это позволило мне найти силы выйти из дома и окликнуть Степана.

– Поезжай в город, – стараясь сохранить хладнокровие, приказала я ему, – и сообщи в полицию, что убит Павел Семенович. Я останусь здесь и буду ждать твоего возвращения.

Выпучив глаза, Степан перекрестился и попятился к лошадям, чуть было не упал, забираясь на козлы и, не оглянувшись, погнал лошадей, что есть мочи.

Только теперь я осознала, что, отдав такой приказ, обрекла себя на долгие часы пребывания в чужом доме с двумя трупами наедине. И мороз прошел у меня по коже.

Но изменить что-то было уже невозможно, и я с ужасом оглянулась на и без того мрачное строение.

«Только бы у Степана не поломалась карета», – с ужасом подумала я, понимая, что в этом случае мне придется заночевать в этом страшном месте.

А поломки карет на наших дорогах – дело самое обычное, поэтому мое опасение вполне могло оказаться вещим.

Поздним умом я сообразила, что не успела забрать из кареты ничего из съестного, обильно припасенного мною в дорогу. Но правду сказать – одна мысль о еде в ту минуту вызывала у меня тошноту.

Чтобы не возвращаться в дом, я отправилась на поиски старосты или кого-нибудь, кто мог бы рассказать мне, что произошло с его барином за несколько часов до моего приезда.

То, что убийство произошло относительно недавно, я уже поняла по виду едва свернувшейся крови и по отсутствию характерного запаха разложения. Значит, убийца вполне мог быть поблизости. Но почему-то возможность встречи с ним пугала меня значительно меньше, чем сама атмосфера пустого дома и близость изуродованных трупов.

Зайдя в первую попавшуюся избу, я обнаружила там только чумазого перепуганного мальчишку, который ничего толком не мог объяснить, кроме того, что «мамка с тяткой в поле», а он и слыхом ничего не слыхивал. После чего он

почему-то разревелся, ковыряя в носу и корча жалостные гримасы. И я, отчаявшись добиться от него чего-то большего, покинула его дом.

В результате довольно продолжительных поисков мне удалось отыскать чуть ли не единственную оставшуюся в селе старуху, способную членораздельно ответить на мои вопросы.

– Что ты, милая, все, кто может, с рассвета в поле, – уныло поведала мне она, я и сама бы туда отправилась, да уж мне это не по силам. Самая пора...

Она была глуховата и говорила, как все глухие, очень громко, поэтому я не стала спрашивать, не слышала ли она криков из барского дома, тем более что отсюда до него было далековато.

Судя по безмятежному выражению ее лица, никто в селе пока не знал о разыгравшейся здесь трагедии, и во время совершения преступления убийца мог не опасаться свидетелей. Все население Синицына от мала до велика находилось в поле с рассвета и до заката, в домах оставались лишь больные дети и немощные старики. А учитывая, что всего у Павла Семеновича насчитывалось едва ли сорок душ, надежды узнать что-то полезное у меня уже не было.

Передо мною стоял выбор: отправиться в поле на поиски бурмистра, либо вернуться в господский дом. Особого смысла идти пешком версту и возвращаться обратно я не видела, а оставаться в грязной вонючей избе у полуглухой старухи мне тем более не хотелось. И мне ничего не оставалось делать, как вернуться в господский дом и там дожидаться полиции.

Поначалу я присела на скамейку у окна, но через некоторое время продрогла, потому что весеннее солнышко ярко светило, но грело еще очень слабо. А оделась я не очень тепло, не собираясь надолго покидать теплой кареты.

Несмотря на всю убогость, дом Синицына имел несколько комнат, довольно чистых и обставленных со вкусом в меру его более чем скромных возможностей.

Я снова зашла в дом и отыскивала светлую уютную комнатку, выполняющую, судя по всему, в доме роль хозяйского кабинета и библиотеки. У окна стоял не слишком уместный при таком достатке секретер красного дерева,

свидетельствующий о том, что дом знавал и лучшие времена.

Расположившись в креслах, я почувствовала себя значительно лучше, и ко мне вернулось покинувшее было меня присутствие духа. Сняв шляпу и перчатки, я подошла к книжным полкам и увидела на них множество знакомых мне книг. Некоторые из них я читала, о других слышала, и присутствие этих старых знакомых понемногу примирило меня с убогим жилищем.

Я вспомнила Павла Семеновича, каким я его знала до сегодняшнего дня, и лишь теперь поняла, что погиб прекрасный, симпатичный мне человек. И это его безжизненное тело я видела час назад посреди гостиной. Второе тело почти наверняка принадлежало его «дядьке», верному слуге с детских лет, разделившему страшную судьбу своего хозяина и не пожелавшему расстаться с ним даже после смерти.

Эта мысль растрогала меня, и мне захотелось еще раз посмотреть на их тела, чтобы по возможности восстановить картину трагедии, а может быть, и помочь следствию. В отличие от полицейских, я имела некоторое представление о жизни этих людей и могла оказаться им полезной. Во всяком случае, в большей степени, чем кто-либо из синицынских мужиков.

Не могу сказать, что вошла в комнату без содрогания. Я набрала в грудь побольше воздуха, словно собиралась окунуться в холодную воду и переступила порог.

И меня ожидал невероятный, ни с чем не сравнимый сюрприз – мертвый Павел Семенович перевернулся с живота на спину. Не совладав с собой, я заорала «дурным голосом», как говорит моя кухарка, и выскочила вон из страшной комнаты.

Воображение мое разыгралось. В голову полезли мысли о мертвецах и заживо погребенных.

«Неужели он был еще жив, когда я обнаружила его в первый раз?» – подумала я, и содрогнулась от ужаса, представив, что могла спасти ему жизнь, но вместо этого битый час ходила по селу в поисках старосты...

Неожиданная мысль потрясла меня до основания:

«А если он все-таки был мертв, то это означает, что его уже мертвого КТО-ТО ПЕРЕВЕРНУЛ. А это мог сделать только его убийца».

И вот тут-то мне стало страшно по-настоящему.

И если до этого я испытывала скорее не страх, а ужас, жуть, сравнимые с неким мистическим, ирреальным чувством, возникающим у детей в темной комнате, то теперь это был страх вполне рациональный – страх перед беспощадным убийцей, который вполне мог до сих пор находиться в доме и при необходимости поступить со мной так же, как и с Павлом Семеновичем и его верным слугой.

Тут-то я и вспомнила о своих пистолетах, легкомысленно оставленных мною в карете, и почувствовала такую незащищенность, что чуть было не поддалась естественному порыву и не выбежала из дома, чтобы оказаться поближе к людям, под их пусть и иллюзорной, но все-таки защитой. Но после некоторого размышления пришла к выводу, что если убийца и находился в доме в тот час, когда я бродила по селу, то он давно уже сделал все, что ему было нужно, и в данную минуту (если он, конечно, не сумасшедший) покинул дом и постарался убраться подальше от места преступления и неминуемой расплаты.

Если он был в доме во время моего первого в нем появления, то, скорее всего, прятался в том самом кабинете, из которого я появилась несколько мгновений назад, прекрасно слышал, как я отослала Степана за полицией, и теперь осведомлен о их скором приезде.

Я достала из ридикюля мужнин брегет, которым пользуюсь со дня его смерти, и с удивлением обнаружила, что после отъезда Степана прошло не больше полутора часов. Поэтому приезда полиции нельзя ожидать раньше, чем через пять-шесть часов. Да и то исключительно в том случае, если она выедет из города немедля, чему я, зная это ведомство не по слухам, честно сказать, не верила.

И преступник, безусловно, понимал это не хуже меня. Поэтому мне лишь оставалось надеяться, что за то время, пока меня не было в доме, он успел сделать то, ради чего совершил это злодеяние. И убежать прочь из дома от греха подальше.

«А кстати – на что мог польститься в этом небогатом доме неведомый злоумышленник? – впервые задала я себе вопрос и удивилась, как эта очевидная мысль до сих пор не пришла мне в голову. Хотя Александр всегда считал и говорил мне неоднократно, что прежде всего нужно определить мотивы преступления.

Но я настолько была потрясена увиденным, что на некоторое время потеряла способность рассуждать рационально и воспринимала происходящее только чувствами.

Читателю может показаться, что Катенька иной раз употребляет такие слова и выражения, что не были в ходу в ее время. И я с ним охотно соглашусь. И попрошу отнести эти накладки на неточность, вернее, некорректность моего перевода.

В оригинале несколько последних страниц написаны исключительно по-французски, а я не считаю себя профессиональным переводчиком и не настолько знаком с лексикой и стилем того времени, чтобы не наделать множества ошибок. Прошу учесть это и в дальнейшем и воспринимать некоторые слова и выражения в качестве вольности или, если хотите – некомпетентности переводчика. За что заранее прошу вашего снисхождения.

Если допустить, что убийство было совершено с целью ограбления, то становилось непонятно, почему грабитель оставил без внимания те немногие драгоценные вещицы, которые я успела заметить в кабинете Синицына. Например, тяжелый серебряный канделябр, которого преступник просто не мог не заметить, или ту очаровательную золотую табакерку, которой наверняка пользовалась задолго до рождения Павла Семеновича одна из его бабушек, а то и прабабушек, и за которую любой ювелир заплатил бы ему большие деньги?

«Похоже, ни золото, ни серебро не были его целью, – сделала я вывод. – В таком случае что же ему было нужно? Месть? За что? И для чего в таком случае было тревожить мертвое тело?»

Нет, скорее всего, преступник убил Павла Семеновича, чтобы получить какой-то принадлежавший покойному предмет, которого тот не хотел отдавать ему при жизни. Что же для милейшего Павла Семеновича могло быть дороже жизни? И что в конечном итоге стало причиной его безвременной кончины? Об этом можно

только догадываться».

Набравшись мужества, я снова заглянула в гостиную и, несмотря на сковывающий члены ужас, постаралась разглядеть покойного как можно подробнее, не пропуская ни малейшей детали.

Павел Семенович на несколько лет старше моего Александра, но теперь выглядел глубоким стариком. Смерть застала его с открытым ртом и я со смесью отвращения и страха обнаружила, что у него не хватало половины зубов. При жизни я этого не замечала.

Его лицо было выбрито, но настолько небрежно, что отдельные участки кожи остались покрыты островками едва ли не недельной щетины. Так бреются или очень рассеянные или равнодушные к своему внешнему виду люди...

Рубашка на груди покойного была порвана...

Это могло свидетельствовать или о том, что перед смертью он боролся со своим убийцей, или о том, что на груди у него что-то искали уже после смерти.

Я заставила себя подойти к самому телу и, стараясь не наступать на лужи крови, заглянула под рубаху...

Там не было креста. И это показалось мне подозрительным.

Павел Семенович никогда не снимал его. Мне было известно это из его собственных слов. Однажды он упомянул в разговоре и даже продемонстрировал мне и мужу этот старинный кованный крест, который надел на него перед смертью его дедушка.

Покойный очень гордился этим крестом и говорил, что с ним было связано какое-то семейное предание. И вот теперь я его не обнаружила...

Но допустить, что двух человек убили ради медного креста, я не могла ни на минуту. И отказывалась этому верить. Но тем не менее креста на месте не было.

Какой-то шум отвлек меня от этих размышлений и заставил оглядеться в поисках оружия. Меня не оставляла мысль о находящемся поблизости преступнике, и в каждом шорохе мерещился этот злодей. Единственным предметом, попавшимся мне на глаза, была кочерга и за неимением лучшего я схватила ее.

Но это оказался тот самый бурмистр, которого помянула при мне глухая старуха. Скорее всего, именно она сообщила ему о моем визите, и он посчитал своим долгом явиться ко мне тотчас.

Деликатно постучав, он приоткрыл дверь гостиной и первое, что заметили его плутоватые глаза – это окровавленное тело его хозяина и сразу за этим – меня с кочергой в руках.

– Да что это вы, барыня, ей-богу, – со страхом глядя на кочергу в моей руке, вымолвил он и попятился в коридор.

Я отбросила кочергу и попыталась успокоить его.

– Послушай, как тебя... Алексей, – вспомнила я названное старушкой имя, но того уже и след простыл.

Выйдя на крыльцо, я еще несколько секунд наблюдала его коренастую фигуру, улепетывающую прочь от страшного места во все лопатки.

– Только этого мне не доставало, – в сердцах произнесла я вслух, представив, что синицынские мужики с колами и вилами придут отомстить мне за жизнь своего барина. – Они ведь могут и заколоть меня за милую душу...

Самым глупым было то, что этот самый Алексей мне теперь уже ни за что не поверит. И в этом смысле он представлял собой уже реальную, а не воображаемую угрозу для моей жизни.

Оставалось надеяться, что я напустила на него такого страха, что он не решится заявиться ко мне даже в сопровождении нескольких дюжих товарищей. Или что прежде них сюда все-таки приедет полиция.

Я оглянулась на ветхое родовое гнездо покойного Павла Семеновича и подумала, что, возможно, мне придется использовать его в качестве неприступной крепости, забаррикадившись изнутри до приезда помощи из города. И вновь пожалела об отсутствии у меня пистолетов. Одного выстрела в воздух было бы достаточно, чтобы надолго отбить охоту у «народных мстителей» расплатиться со мной за жизнь своего господина.

По моим расчетам, мужики не могли появиться здесь раньше, чем через час, и у меня было время подумать, каким образом защитить себя и подготовиться к обороне.

– Идиот, – шепотом бранилась я, бродя по комнатам в поисках оружия, – нужно быть сумасшедшим, чтобы принять меня за убийцу.

На мое счастье, Павел Семенович был охотником, во всяком случае, в его кабинете я обнаружила два ружья в неплохом состоянии и запас пороха, пыжей и мелкой дроби.

«Не бог вещь какое, но все-таки оружие, во всяком случае – это лучше, чем кочерга», – успокаивала себя я, хотя на душе у меня скребли кошки и для спокойствия оснований было меньше, чем когда бы то ни было за всю мою жизнь.

Через час вотчина Синицына представляла из себя неприступный форт, насколько это позволяли мои физические силы и соответствовало моим представлениям о фортификации.

Я почувствовала себя эдаким куперовским Зверобоем в ожидании отряда гуронов, и это заставило меня позабыть о мистическом страхе перед мертвыми, один вид которых еще недавно приводил меня в трепет. Гостиная была единственной в доме комнатой, закрывавшейся изнутри, и мне ничего не оставалось, как избрать ее местом своей обороны.

К ее дверям я придвинула всю находившуюся в доме мебель и сундуки, что смогла сдвинуть с места. Но в основном рассчитывала на ружья и на то впечатление, что произведут на мужиков звуки их выстрелов.

Время от времени я поглядывала в окна, с минуты на минуту ожидая появления моих «гуронов» с вилами и топорами. И, несмотря на всю свою решимость, молила Бога, чтобы они оказались трусами.

«Сохрани нас Бог от русского бунта», – не очень верно процитировала я вновь вошедшего в последнее время в моду Александра Пушкина и впервые в жизни всем своим нутром поняла смысл этих грозных строк-предупреждения.

Мне казалось, что воздух за окном наполнился каким-то тревожным желтовато-сиреневым светом, и солнце отвернулось от земли, не желая наблюдать предстоящей резни.

Время, казалось, остановилось. Каждые пять минут я смотрела на часы и даже подносила их к уху, чтобы удостовериться, что они не сломались и не отказались мне служить в самый ответственный момент.

Но брегет звонко и равнодушно отстукивал секунды и не желал ради меня передвигать свои стрелки хотя бы на гран быстрее положенного.

В тот момент, когда мои нервы были натянуты до последнего предела, страшный раскат грома, казалось, расколол небо пополам, и начался первый по-настоящему весенний проливной дождь, конца которому не предвиделось...

«Степан теперь точно не доедет», – сказала я себе мысленно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Разверзлись хляби небесные – кажется, так говорят в народе.

Именно с этих русских слов начинается третья глава первой повести или романа, не знаю, как точнее назвать, написанного около ста лет тому назад по воспоминаниям юности Екатериной Алексеевной Арсаньевой. И эти совершенно русские слова после сплошного потока французской речи производят впечатление молнии, сверкнувшей среди темного предвечернего неба.

Дождь хлестал за окном с такой силой, что, казалось, вырвалась на волю некая неведомая стихия, закованная до времени во спасение человечества, а теперь за грехи наши отпущенная на свободу. И она не успокоится до тех пор, пока последний человек не покинет эту грешную землю, лишенный света, тепла и хотя бы маленького клочка суши.

Я не могла вспомнить ничего подобного за всю свою жизнь. Даже думать о том, что полиция хотя бы попытается добраться до меня в такую погоду, было бы верхом легкомыслия. С другой стороны, и мужики до конца этого вселенского потопа вряд ли решились бы на приступ.

Поэтому я покинула свой наблюдательный пункт у окна, тем более что за окном не было видно ни зги.

Мертвые тела по-прежнему лежали посреди комнаты, и я уже почти привыкла к их присутствию, насколько может человек привыкнуть к присутствию в доме смерти.

Время подходило к обеденному, если считать на европейский манер. А по российскому укладу к этому часу полагалось поесть уже не раз. Молодой организм несмотря на все сегодняшние потрясения не желал мириться с пустым желудком и с каждой минутой все решительнее заявлял свои претензии.

Проще говоря, я проголодалась, как волк. И даже дюжина покойников уже не в состоянии были испортить мне аппетита.

Но в гостиной при самом тщательном осмотре мне не удалось найти ничего съестного, кроме графинчика с водкой и нескольких покрытых плесенью сухарей.

Мое заточение могло затянуться надолго, а из истории мы знаем, что многие города противостояли самому грозному противнику долгие месяцы, но сдавались на милость врага только благодаря истощенным запасам пищи и воды.

И если голодная смерть мне пока не грозила, то жажда мучала уже всерьез. И я рискнула, временно разбаррикадив дверь в гостиную, прошмыгнуть в коридор, а оттуда – в кладовую, где обнаружила помимо неограниченных

запасов вкусной колодезной воды несколько копченых окороков, домашних колбас и прочей снеди.

Несколько раз я возвращалась за новыми партиями. И через некоторое время была готова выдержать даже двухнедельную осаду, ни разу не покинув места своего неожиданного заточения.

Разумеется, я не думала, что оно продлится так долго, но, с другой стороны, разве я могла предположить еще несколько часов тому назад, что когда-нибудь могу оказаться в столь экзотическом положении?

«Человек предполагает, а Бог располагает», «Береженого Бог бережет»... Эти и другие подобные им поговорки приходили мне в голову, когда я пополняла запасы провизии и пресной воды.

Перетащив из кладовой большую часть съестного, я, наконец, успокоилась, забаррикадировала с удвоенной энергией дверь и приступила к обеду, мысленно попросив прощения у покойных.

Обильная трапеза благотворно сказалась на моей нервной системе, и я вновь ощутила себя сильным человеком, а не игрушкой в руках надменной особы по прозвищу «судьба».

Угроза нападения мужиков с каждой минутой становилась все иллюзорнее, и через некоторое время я уже перестала воспринимать ее всерьез.

И взамен былой тревоги вернулись мысли о покойном друге и желание докопаться до истинной причины его гибели.

Я еще раз осмотрела гостиную и тела жертв преступления. И теперь уже не сомневалась, каким образом они были умерщвлены. Павел Семенович получил пулю в шею, именно этим объяснялось такое количество крови на полу. Никакое другое ранение не способно настолько обескровить человека. Что касается слуги Павла Семеновича, то я не обнаружила на его теле никаких ранений, кроме огромной опухоли на голове. Видимо туда пришелся удар невероятной силы, которого вполне хватило, чтобы лишить жизни этого старого больного человека.

Как ни странно, я не обнаружила в комнате следов борьбы. И сделала вывод, что или нападение было совершенно внезапным, или ни Павел Семенович, ни его верный холоп не ожидали от «гостя» ничего подобного. То есть убил их хорошо знакомый им человек, которого приняли безо всякого опасения.

И следы угощения на столе только подтверждали мой вывод. На нем до сих пор стояли водочные стаканчики, а дверца буфета, в которой находился заветный графинчик, оставалась открытой до сих пор.

У меня создалось ощущение, что Павел Семенович направлялся именно к буфету, когда выстрел в шею сразил его наповал. Пуля вошла в шею сзади, и уже на выходе порвала сонную артерию. А по следам копоти вокруг рваной раны я поняла, что выстрел был произведен практически в упор.

Я не могла ничего сказать по поводу смерти слуги – то ли он попытался защитить своего хозяина, то ли бросился звать на помощь... А может быть, наоборот – услышав выстрел, неожиданно для гостя вошел в гостиную и, потеряв дар речи и способности сопротивляться, не двинулся с места и с изумлением смотрел в глаза своему убийце, когда тот наносил ему роковой удар...

Если мои подозрения были верны, то преступник, скорее всего, действовал обдуманно и хладнокровно. Чем иначе объяснить наличие у него оружия? Судя по всему, это был пистолет, а в наших краях не принято ходить в гости с оружием.

Примерно так я размышляла, когда дождь закончился так же неожиданно, как и начался. И яркое, совсем уже по-летнему ласковое солнышко, как бы извиняясь за временное свое отсутствие на небе, спешило компенсировать его преждевременным в это время года теплом.

Через зимние двойные оконные рамы я почти физически ощущала, как потянулись навстречу ему травы на полях, и даже чахлые синицынские деревья, щедро умытые дождем, прихорашиваясь, разглядывали свое отражение в лужах.

До меня донеслись восторженные крики гонявших по лужам босоногих крестьянских ребятишек, а немного погодя и сами они оказались в поле моего

зрения. В силу своего нежного возраста они еще не потеряли той связи с природой, которая позволяет бескорыстно радоваться ее проявлениям, и своими лохматыми головками напомнили мне купающихся в луже воробьев.

Все это настолько не вязалось с моими недавними размышлениями и с тем злом, свидетельницей которого я стала по стечению обстоятельств, что, окажись на моем месте какой-нибудь философ, он непременно бы сделал вывод о бренности всего сущего или напротив – о гармонии, царящей во вселенной.

Меня же перемены в природе лишь ненадолго отвлекли от мрачных мыслей, к которым я тут же вынуждена была вернуться, поскольку на смену детям в поле моего зрения попали их отцы.

Нужно ли говорить, что на их лицах не было и подобия того восторга, что я обнаружила у их отпрысков?

Растянувшись цепочкой, они шли на меня, как на медведя. Сравнение показалось мне настолько точным, что я невольно улыбнулась. Только рогатины не хватало моим «охотникам», а мне не хватало медвежьей силы и ярости. Как я ни старалась разозлиться на этих людей, у меня это не получалось. Они казались мне такими же несмышленишками, как их малые дети. Может быть, поэтому в душе у меня не было и страха.

Разбив одно из оконных стекол, я выставила ружейный ствол в образовавшееся отверстие, и этот звук настолько перепугал наступавших, что они упали, как по команде, на землю, вернее, в глубокую лужу, посреди которой оказались на тот момент волею случая.

Не знаю, чего порассказал им обо мне их бурмистр, но рассказом своим добился лишь одного – мужики заранее боялись меня, как огня, если первый же звук, произведенный мной, заставил их по уши погрузиться в холодную воду.

Дождавшись, когда им стало невмоготу, и один за другим, стуча зубами от холода, они стали подниматься из воды, я сделала первый и единственный выстрел. Этого оказалось достаточно, чтобы мужики, побросав оружие, бросились врассыпную.

Битва была выиграна мною вчистую. Я могла праздновать победу, но это не принесло мне никакой радости. В конце концов, мужики пытались отомстить убийцам своего барина, и в том, что их неверно проинформировали, не было их вины. Ну, а что касается их бойцовских качеств – не мы ли восхищаемся долготерпением наших мужиков? А трусость не является ли его обратной стороной?

Спешу отметить прогрессивные, почти социал-демократические идеи в размышлениях моей родственницы, недаром в ее жилах (впрочем, как и в моих, разве только в меньшей концентрации) текла та же, что и у мятежного Лермонтова кровь. А впрочем, она была дочерью своего века, а кто в те годы не бравировал левыми идеями? Хотя это нисколько не мешало ей владеть несколькими сотнями душ в Саратовской губернии и не испытывать по этому поводу никаких угрызений совести.

Теперь я могла не опасаться нового нападения по крайней мере до завтрашнего утра. Но при одной мысли, что ночь мне придется провести в компании двух мертвецов, из сокровенных глубин моей души вновь поднимали голову все иррациональные страхи, которые подспудно присутствовали там, дожидаясь своего часа, чтобы вернуться с удвоенной силой и полностью завладеть моим сознанием.

Я старалась не думать об этом и боролась до последнего. Но мое воображение все чаще дарило меня тревожными видениями, понемногу отвоевывая пространство моей души. То мне казалось, что одно из тел пошевелилось, то неожиданный звук повергал все мое существо в трепет. А когда покойный Павел Семенович испустил тяжелый, полный страдания вздох – как я ни убеждала себя, что имею дело с началом естественного химического процесса перерождения живого организма в мертвый, – запас моего терпения и мужества в тот же миг был исчерпан, и лишь несколько шагов отделяло меня от пропасти отчаяния.

Теперь, много лет спустя, у меня не осталось и подобия того ужаса, которое внушало мне мертвое тело в те далекие годы. Старость примиряет нас со смертью и постепенно готовит к переходу в ее царство, но тогда мне было всего двадцать семь... И солнце неумолимо приближалось к линии горизонта. И я предпочла не испытывать пределов своих возможностей и ретировалась в хозяйский кабинет.

Плотно закрыв за собой дверь, я постаралась снова сосредоточиться на книгах, но в этот момент... как это у Пушкина:

Кто долго жил в глуши печальной,

Друзья, тот верно знает сам,

Как сильно колокольчик дальний

Порой волнует сердце нам...

Меня этот звук не просто волновал, а возвращал к жизни, и, позабыв об осторожности, я за несколько мгновений разобрала свою баррикаду и с непокрытой головой выскочила ему навстречу.

Думаю, в этот момент мне было неважно, кто и зачем прибыл в Синицыно в карете. Одно я знала наверняка – это живой человек, и он поможет мне покинуть опостылевшее мне «царство мертвых». Я могла бы сравнить это чувство с надеждами заживо погребенного, услышавшего звук заступа над своей могилой. Разве он задается вопросом, кто раскапывает ее – гропокопатели или кладбищенские воры? Кем бы ни были эти люди – они для него освободители, и он боится лишь одного – спугнуть их невольным стоном.

Как хотите, но это снова Эдгар По. Откуда еще у молоденькой женщины возьмутся мысли о заживо погребенных? Извините, не удержался.

Я не поверила своему счастью, когда узнала свою карету, и чуть не расцеловала грязного с головы до ног, вконец замотанного Степана и двух офицеров полиции, выскочивших из кареты с пистолетами в руках.

– Милые мои, – едва не заплакала я, увидев эти симпатичные усатые физиономии, а когда из кареты вышел Михаил Федорович – не сдержалась и бросилась ему на грудь.

Михаил Федорович – наш старый знакомый. Когда был жив Александр, он работал под его началом, а теперь был назначен на место покойного.

У него на груди я уже откровенно разрыдалась, не в силах сдержать своих чувств.

– Екатерина Алексеевна, с вами все в порядке? – испуганно спросил он меня.

– Михаил Федорович, дорогой вы мой, как же вы добрались в такую погоду? – перебила его я.

Вылезший невесть откуда мужичок в драном, перепачканном глиной тулупчике и с вилами в руках, разинув рот, глядел, как «убийца его барина» рыдает на груди у важного господина и радуется приезду полиции, и ничего не мог понять.

– Вы же ничего не знаете, – смеясь и плача одновременно, сказала я – меня же тут приняли за убийцу, вон, посмотрите – с вилами на меня собрался идти...

– Пшел вон, – шикнул на мужичка Михаил Федорович, и того – как корова языком слизнула.

И Михаил Федорович поведал мне, как перепугались все в полицейском управлении, когда узнали, что вдова Александра Христофоровича осталась на месте преступления. Они, в отличие от меня, сразу же сообразили, что убийца вполне мог находиться поблизости, и в ту же минуту, не раздумывая и не дав передохнуть лошадям, отправились на мое спасение.

Я, наконец, успокоилась и – на этот раз вместе с Михаилом Федоровичем – вернулась в теперь уже не страшный для меня дом.

По измученным лошадям и по тому, что полицейская карета прибыла в Сеницыно лишь два часа спустя, я поняла, как торопились ко мне эти люди. И еще раз от души поблагодарила их.

Михаил Федорович быстро и без лишней суеты осмотрел место трагедии, записал что-то в своем блокноте маленьким золотым карандашиком и распорядился убрать трупы из гостиной.

Их перенесли в кладовую и накрыли найденными в доме простынями. После чего из деревни вызвали молодую здоровую женщину, которая без особого испуга помыла в гостиной полы и поставила самовар.

По моей просьбе стол накрыли не в гостиной, а в кабинете. И ужин прошел в спокойной, приличествующей ситуации обстановке. Мужчины помянули убиенных, выпив по стаканчику водки, после чего все кроме нас с Михаилом Федоровичем пошли устраиваться на ночлег.

Я собиралась провести эту ночь в кабинете, и бывший помощник моего мужа попросил моего разрешения еще немного поработать в этой комнате.

Спать мне не хотелось, и я даже обрадовалась, что не останусь одна в этот вечер.

За окном стемнело, принесли свечей, и при их уютном свете кабинет приобрел тот самый вид, каким он представлялся мне до сегодняшнего дня по рассказам мужа.

Михаил Федорович стал перебирать бумаги убитого, а я, сидя в креслах, наблюдала за его работой и время от времени отвечала на его вопросы.

Я поделилась с Михаилом Федоровичем некоторыми своими дневными наблюдениями, и он удивился моим познаниям в этом «совершенно не дамском деле». Не скрою – мне это польстило, и я почувствовала к этому господину еще большее расположение.

Временами он вспоминал моего Александра, отзываясь о нем с большим уважением, и выразил мне искреннее соболезнование в связи с его безвременной кончиной. Разговор приобретал все более доверительный характер...

– Екатерина Алексеевна, извините, но вы-то как оказались в этом доме? – спросил он впервые за этот вечер. – Я не хотел спрашивать об этом при свидетелях...

Он сделал вежливую паузу, которая заставила меня покраснеть. Мне показалось, что этой паузой он намекает на возможность некой моей связи с покойным, о которой не совсем удобно говорить при людях, и я не сразу нашлась, что ему ответить.

Мне не хотелось делиться с ним своими сокровенными мыслями, а чем иначе я могла объяснить свой визит к одинокому мужчине? И еще более смешавшись, я встала и произнесла почти с вызовом:

- Милостивый государь, не хотите ли вы сказать...

- Да Бог с вами, Екатерина Алексеевна, я ни в чем вас не подозреваю, – приложив руку к груди, произнес он подчеркнуто деликатно, почти нежно. – С какой стати вам убивать приятеля своего покойного мужа...

От неожиданности у меня перехватило дыхание.

- Как? – только и смогла вымолвить я.

- Ведь вы не убивали его? А, Катерина Алексеевна?

К такому повороту нашей беседы я была совершенно не готова, и только открыла рот, но не нашлась, что ответить ему в первую минуту.

Михаил Федорович смотрел на меня, прищурился одним глазом, и теперь я уже не понимала – ласково или презрительно?

- Да как вы смеете... – наконец нашла я нужные слова.

- Что же вы обижаетесь, ей-богу? Будто я вас в чем обвиняю. Я только спрашиваю, а вы почему-то не хотите отвечать...

Он выпятил губы и комически развел руками, отчего его холерное лицо приобрело глупейшее выражение. Он явно переставал мне нравиться.

- Я приехала навестить старинного друга покойного мужа, мне кажется...

- Друга вашего мужа, или вашего... друга? – вновь перебил он меня.

И вновь эта пауза... Паузы у него явно заменяли неприличные слова.

– А ну-ка будьте любезны выйти вон, – тихо, но настойчиво потребовала я.

– Не могу себе этого позволить, – сокрушенно покачал он головой, – служба, знаете ли...

– Но на каком основании?.. – задохнулась я от этой неслыханной наглости.

– Да на том простом, что вас видели тут с кочергой в руках, а один из двоих убитых закончил свою грешную жизнь в результате уда-а-ра этой самой кочерги-и, – зачем-то пропел он в нос и стал при этом совершенно вульгарным и отвратительным.

– Но ведь Павел Семенович застрелен... – я настолько растерялась, что чуть ли не оправдывалась перед этим безумцем. Только безумцу такая идея могла прийти в голову, или...

– А... может быть, вы так шутите? – вслух произнесла я внезапно пришедшую мне в голову догадку.

– Именно застрелен, Катерина... Алексеевна, – оставил он мой вопрос без ответа, – и уж не из этого ли пистолета?

Жестом балаганного фокусника он вытащил из-за спины сначала один, а потом и второй мой пистолет.

– Или из этого? Из этого, или из этого... – повторил он несколько раз с омерзительной шутовской интонацией, и мне захотелось его ударить.

– Я не позволю вам говорить со мной в подобном тоне, – еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, произнесла я как можно презрительнее. – Вы не имеете права...

Меня поразила не столько его клоунада, как эта очередная пауза после моего имени. Это уже было прямое оскорбление, и я не собиралась оставить его без последствий.

– Если говорить серьезно, – снова сменил он интонацию, – то я имею все основания арестовать вас и отправить под конвоем в тюрьму.

Произнеся эту тираду, он скрутил папироску и, не спросив, прикурил ее от свечи.

Дело приобретало скверный оборот.

От былой моей радости не осталось и следа.

– Кстати, – достав из кармана белоснежный носовой платок, он обернул им свой тонкий мизинец с отшлифованным ногтем и поковырялся в стволе одного, а следом за тем – второго пистолета.

Производя эти действия, он не отрывал от моего лица насмешливого взгляда. Мне не нужно было объяснять, зачем он это делает, тем более что результат этого «следственного эксперимента» мне был известен заранее – не далее, как сегодня утром, во время очередной остановки я отошла в небольшую рощу и произвела из одного из пистолетов несколько выстрелов. После смерти Александра я не изменила своих привычек и время от времени тренировалась в стрельбе.

Разглядывая безнадежно испорченный платок, он зацокал языком. После этого поднес ствол пистолета к своему хищному носу и с явным наслаждением втянул в себя воздух.

– Тухлым яичком пахнет, – расплылся он в довольной улыбке. – Вы догадываетесь, о чем это свидетельствует?

Я со вздохом отвернулась к стене, логика явно не была его любимым предметом в гимназические годы.

– Вы, конечно, будете меня уверять, что стреляли по воронам, – с той же улыбкой проворковал он, но внезапно взвизгнул:

– Но позвольте вам не поверить!

Полюбовавшись пистолетом и зачем-то взвесив его на руке, он аккуратно завернул его в свой платок и присоединил к прочим «вещественным доказательствам».

– А зачем, по-вашему, я послала за вами Степана? – не выдержав, повысила я голос.

Но у него был готов ответ на этот вопрос, и он с удовольствием мне его преподнес:

– Именно для того, чтобы убедить в собственной невинности.

Последнее слово он произнес по слогам, тщательно выговаривая каждую букву, как будто выполнял упражнения по риторике, после чего облизнул губы и захихикал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наша «беседа» затянулась до глубокой ночи. И когда я наконец осталась одна, то долго не могла заснуть, снова и снова вспоминая ту или иную фразу этого неприятного человека.

Я удивлялась, каким образом могла так ошибиться в нем, и проклинала себя за то, что по неведению позволила себе рыдать на его груди.

Теперь он не вызывал у меня никаких других чувств, кроме презрения. И я поняла, почему Александр никогда не приглашал его к нам в дом и за все время лишь пару раз упомянул его имя. Да и то вскользь.

Мой покойный муж не только любил повторять библейскую мудрость «Не суди и не судим будешь», но и жил в соответствии с этой заповедью, то есть ни о ком не отзывался дурно и меня пытался приучить к тому же.

Но библейские заповеди очень трудны в ежедневном применении. Чего стоит одна только «Возлюби врага своего»!

Глядя вчера на Михаила Федоровича, я пришла к выводу, что никогда не смогу назвать себя хорошей христианкой. Полюбить подобного человека я не смогу при всем желании.

Под утро я ненадолго забылась, свернувшись калачиком на продавленном кожаном диванчике. А разбудили меня громкие голоса полицейских, взволнованно обсуждавших что-то прямо у меня под окном.

Заснуть я уже не смогла, и заинтересовалась, что же их так взволновало. Можете представить мои чувства, когда я наконец поняла это. Был найден пистолет, из которого был застрелен Павел Семенович.

Я не смогла сдержать торжествующей улыбки, представив себе предстоящую встречу с моим вчерашним обидчиком. Я имею в виду Михаила Федоровича.

И он не заставил себя долго ждать.

Лишь только я привела себя в относительный порядок, убрала волосы и разгладила складки на одежде, как услышала деликатный стук в дверь.

Мне казалось, что он начнет с извинений, но я еще недостаточно хорошо знала этого человека. Он не испытывал никакого раскаянья, более того, разговаривал со мной с таким видом, словно мне удалось выскользнуть из его рук лишь благодаря счастливому для меня стечению обстоятельств. И всем своим видом демонстрировал, что и теперь не сомневается в моей причастности к преступлению, и что если пока ему не удалось упечь меня за решетку, то это произойдет немного позже, когда фортуна отвернет от меня свой прекрасный лик.

Выслушав его формальное извинение, которое он все-таки вынужден был произнести, я не могла лишиться себя удовольствия произнести ту фразу, что давно вертелась у меня на кончике языка. И я произнесла ее, лишь только дождалась первой паузы в потоке его тупого красноречия:

– Пшел вон!

Он удивленно вскинул на меня глаза, но ничего не сказал в ответ.

А я вышла из дома и, отыскав Степана, велела немедля запрягать лошадей.

Перед самым отъездом я зашла в кладовку и мысленно попрощалась с Павлом Семеновичем Сеницыным и его верным слугой. Больше мне здесь прощаться было не с кем.

Уже отъехав от Сеницына на несколько верст, я узнала, что и Степана допрашивали почти всю ночь, сначала молоденький полицейский, выполняя приказ Михаила Федоровича, а потом и он сам. И тот и другой пытались вытащить из него показания против меня, и очень расстраивались, что как они не старались – так ничего и не смогли добиться от моего кучера-великана.

– Креста на вас нет, – отвечал он спокойно на каждое обвинение в мой адрес, – да разве можно такое говорить, эх, барин...

Перед самым рассветом, отчаявшись, Михаил Федорович опустил до того, что кулаком ткнул Степана в бороду и, грязно выругавшись, наконец отправился спать.

И этого я тоже никогда ему не прощу.

Но эти мысли недолго занимали меня. Несмотря на то, что я справедливо считала себя глубоко и незаслуженно оскорбленной, больше меня сейчас занимало другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/arsan-ev_aleksandr/tayny-arhiva-grafini-a

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)